

Латвия: От истоков к современности

Людмила Оболенская-Флам

Быль и сказка

Для того чтобы в памяти ожило далекое прошлое, нужен толчок. Таким толчком послужили две книги, которые недавно пришли ко мне в Америку из Риги. Одна — «Корабли Старого Города» Ирины Сабуровой (Даугава, 2005), другая — «Баржа на Оби» Тамары Никифоровой (Рига, 2006). И та, и другая в известной мере касаются моей собственной жизни, потому здесь не рецензия, а навеянные ими мысли и воспоминания.

Имя Ирины Сабуровой я знаю с детства. Она печаталась в рижской газете «Сегодня» и еженедельном журнале «Для Вас», в которых сотрудничали и двое маминых братьев — журналист Николай и художник Маврикий Якоби. Помню, меня интриговала заставка одной рубрики: силуэт двух женщин с модной стрижкой, а между ними «амурчик», которого каждая дама за крылышки тянет на себя. Именно в этом разделе, должно быть, и печатались рассказы Сабуровой, дома их величали «дамскими».

В 1944 году Сабурова, как и наша семья, из страха перед новой советской оккупацией, покинула Ригу и оказалась по окончании войны в Германии, в американской зоне. То ли в 45-м, то ли в 46-м году, в полуразрушенном Мюнхене, где действующий телефон был редкостью, моему отцу понадобилось что-то передать Сабуровой. В солнечный день по имевшемуся у него адресу мы нашли недалеко от Английского парка немецкий пансион, в котором она жила, и поднялись в ее номер на втором этаже. В довольно большой и накуренной комнате было четыре или пять кроватей со спящими на них фигурами. Посередине стоял стол с какими-то объедками и пустой бутылкой. Сабуровой дома не оказалось, а кто были спящие — осталось загадкой. Один из них, вероятно, был ее второй муж — балтийский барон Розенберг, другой, возможно, ее первый муж — поэт Перфильев, с которым у нее остались добрые отношения. Не исключаю, что другие были участники армии Власова, спасавшиеся на частных квартирах

от насильственной репатриации в Советский Союз. Растолкав одного из спящих, отец передал ему для Сабуровой записку и мы ретировались. С тех пор слово «богема» у меня почему-то вызывает ассоциацию с этой комнатой и ее случайными постояльцами.

Вскоре в Мюнхене появилась книжка Сабуровой «Королевство Алых Башен», сборник рассказов, которые в тридцатых годах печатались в Риге под Рождество. Книжка была на дешевой бумаге, ее мягкая обложка изображала красные средневековые башни и пепельницу с дымящейся папироской. На обороте стоял штамп оккупационных властей, свидетельствовавший о том, что книга политически не предосудительна и допущена к печати. Таких книг в ранний послевоенный период были считанные единицы и каждая из них — нарасхват. Мы, гимназистки, зачитывались «Королевством» с особым упоением. Даже сейчас помню начальные строки: *В королевстве Алых Башен жили рыцари и маги, и на самой древней башне — старый мудрый Звездочет: он скрипел пером гусиным и записывал, что было и что будет каждый год...* После пережитых ужасов войны и беженства, на фоне послевоенной разрухи и нужды эти сказки для взрослых о несуществующем царстве действовали на нас пленительно — *...в королевстве Алых Башен никогда не лились слезы, в королевстве Алых Башен было счастье без конца.*

И еще — эти сказки, написанные стихотворным размером, увязывались автором с рассказами, действие которых происходило в мирной довоенной жизни: *Так, перед Сочельником, бродишь, заглядываясь на все эти замечательные заманчивые вещи — пестрые переплеты сказок в строгих книжных витринах, яркие бумажки конфет, толстые коричневые пряники в ватном снеге кондитерских...* Ведь всё это действительно когда-то было. Нам хотелось жить, хотелось этого мирного благополучия, а еще, чувствуя себя на пороге взрослой жизни, мы находили у Сабуровой не только сказку, но и рассказы о любви

с налетом эротики, по нынешним понятиям весьма невинной. Недавно мне снова попалась эта книга, кем-то зачитанная буквально до дыр. И заглянув в нее, я подумала, что рассказы Сабуровой, обрамленные сказкой, в общем-то, литература не очень высокого полета. Но в те годы мы не были взыскательны; «Королевство» уносило нашу фантазию в иную жизнь, и книга пользовалась успехом не только у гимназисток.

В конце сороковых годов началось расселение беженцев по разным странам, и Сабурова написала стихи:

*Быть может, в Конго — или Аргентине
В чужой толпе услышу тихий смех
И сразу вспомню: этот вечер синий
Твое лицо — и снег, и снег, и снег!*

*Быть может, в Чили или Парагвае
Или в родном, единственном краю
Любимый голос спросит: «Не узнали?»
И я отвечаю: «Нет, не узнаю».*

*Но все таки — где б ни было на свете
Но этого — среди всего и всех —
Я не забуду: наших улиц ветер,
Твое лицо, — и снег, и снег, и снег!*

Сабурова, впрочем, не уехала за океан. Она осталась в Мюнхене, где прожила до самой смерти в 1979 году. А мне пришлось уехать с родителями в Марокко, оставив полюбившийся город и близких друзей. Но уже через четыре года я вернулась в Мюнхен и поступила на работу в европейское отделение радиостанции «Голос Америки». Будучи в Мюнхене, я часто встречала Сабурову. Говорить приходилось с ней редко, но запомнилась ее приземистая фигура, ее яркие платки и сигарета во рту. Сын ее (к сожалению, забыла имя), работал посыльным при другой радиостанции — «Освобождение» (позже «Свобода») и привозил нам оттуда их бюллетени. Гонял он на мотоцикле не только по городу: «Свобода» начала свои вещания на СССР в 1953 году, но прямой связи с передатчиками, которые находились близ Франкфурта, у радиостанции не было. Часовые программы, в том числе и последние известия, записывались в мюнхенской студии на магнитную пленку, а дежурный гонец на мотоцикле доставлял ее в течение четырех часов на передатчик. Случилось однако так, что уже на пятый день после выхода «Свободы» в эфир умер Сталин, и заготовленные программы — в том числе с обращениями к самому Сталину — оказались непригодными. Тут-то и пришлось мотоциклистам нестись,

обгоняя друг друга, по немецкому «автобану», чтобы успеть перехватить быстро устаревавшие передачи. Одним из этих гонцов был сын Сабуровой. Позже я слышала, что он рано умер на операционном столе, и Сабурова потеряла своего единственного сына.

Живя в Мюнхене, Сабурова продолжала писать. Она выпустила небольшой сборник стихов «Разговор молча» (1956) и несколько книг. Главный труд ее — роман «Корабли Старого Города», написанный в период 1947-49 гг., впервые увидел свет в немецком переводе с рукописи в 1950 году («Die Stadt der verlorenen Schiffe»). Порусски книга вышла в Германии значительно позже (1976), а в 2005 году была издана там, где разворачивается ее действие, а именно — в Риге.

В воспроизведенном по раннему изданию предисловии, Сабурова говорит: «... О русских балтийцах, очевидно, некому больше рассказать, а ведь мы представляли собой исторический и политический курьез: русское население, коренное и пришедшее (после революции), жившие в трех балтийских республиках — Латвии, Эстонии и Литве (всего примерно около полумиллиона) — оказалось на Западе, в «эмиграции», хотя и продолжало жить на своей родине». Сабурова отмечает, что мы были не иностранной колонией, как все остальные эмигранты, а национальным меньшинством со своими школами, церковью, печатью, театрами и разными общественными организациями. Вот этому русскому миру Сабурова и посвятила фабулу своей книги, добавив к нему мотивы из ее рассказа «Корабли», включенного в сборник «Королевство Алых Башен». Но здесь это не сказка-речитатив, а приписываемая героине романа пьеса, место действия которой Старый Город (Рига), а герои носят аллегорические имена: Дофин, Шут, принцесса Тоска и — олицетворения зла — Черный. Пьеса ходульная, диалог неестественный, и даже по ходу романа спектакль с треском проваливается. Спрашивается, зачем Сабуровой понадобилось включать текст пьесы в роман, и не раз, а дважды (второй раз в переработанном виде!)? Недавно скончавшийся в Риге исследователь Юрий Абызов, который положил много сил к тому, чтобы не пропал след русской интеллигенции, жившей и творившей в Прибалтике между двумя мировыми войнами, написал послесловие к роману Сабуровой. В связи с этой пьесой, Абызов замечает: «Единственное, что можно было вычитать отсюда, что волшебная сила сказочности побеждает рассудочность и скепсис. Нужно только верить, посылать свои Корабли за Счастьем, и Вера будет вознаграждена». Но как бы пьесе ни толковать, читать ее трудно и испытываешь за автора (в данном случае не выдуман-

ного, а за саму Сабурову) известную неловкость.

Рига город небольшой, а русская Рига — тем паче. Там, в среде интеллигенции 20-х 30-х годов, почти все друг друга знали. Поэтому некоторые герои романа узнаются без труда. К тому же Абызов в своем послесловии помогает раскрыть реальные имена прототипов. Он справедливо называет роман в значительной мере автобиографическим. Героиня «Джан» — сама Сабурова, настоящее имя которой было Ирина Кутитонская, муж героини списан с Александра Перфильева, журналиста и поэта. Там фигурируют под именем «Нездолин» видный русский режиссер Константин Незлобин, основатель «Студии Народного театра» в Риге, а под именем Варвары Вересковой — недоброй славы журналистка Кира Верховская, оказавшаяся советским провокатором. По ее доносу в год первой советской оккупации попала в тюрьму одна из сестер моей матери. Фигурирует в романе как Петр Федорович Девиер и мой дед Петр Николаевич Якоби, правоведа, бывший в Риге почетным членом Русского Национального Союза и редактором журнала «Закон и Суд». В 1941 году он тоже был арестован советскими органами и приговорен к исправительно-трудовым лагерям, где вскоре и погиб. В приложении имеется даже фотография всей многодетной семьи Якоби. Отдельно — фотография одного из героев книги, маминого брата Маврикия, которого все звали Мавриком; в книге он фигурирует как Лаврик. Маврик вращался в тех же артистических кругах, что и сама Сабурова. Он легко узнается и по другим признакам — неизменная гитара, веселый легкий нрав, душа общества, участник вечеринок, талантливый художник, холостяк, пользовавшийся у девиц большим успехом. Осенью 1938 года он рано и трагически погиб: утонул во время прогулки на моторной лодке. Мой отец, который оказался в той компании, напрасно нырял, стараясь обнаружить Маврика в студеной воде устья Двины. Тело прибило к берегу много дней спустя. В своем романе Сабурова уготовила Лаврику иную судьбу (на то ее авторское право): она женит Лаврика на сестре героини романа, а в советские годы он попадает в Сибирь и умирает в концлагере. Изобразила она в своей книге и мою бабушку Сусанну Яковлевну Якоби, дав ей имя Екатерины Андреевны Девиер. Тут авторская фантазия перехватила через край: в лютую зиму советских лет Екатерина Андреевна, спасая от советских органов рукопись какого-то профессора, садится на льдину и на ней уплывает в Швецию! Представить себе мою толстую бабушку, которая даже в море не купалась, сидящей на льдине, признаться, труд-

но. Да и не в бабушке дело; кое-кто из Латвии действительно бежал в Швецию, но чтобы на льдине!..

Узкие кривые улочки в ребрах неожиданных и беспорядочных домов сходятся на перекрестке с разлитым асфальтом широких бульваров в липах. Крепостных стен давно нет. От них осталось название, мутная глубь канала широкое шелестящее кольцо зелени. С розового гранитного мостика через канал, у главного входа в Старый Город — на Известковую, разбегаются твердые дорожки лилового цвета от осенней сырости песка. Слева — огибают белый Колоннадный киоск с пестрой суматохой журнальных обложек, извиваются вокруг фонтана, перед высокой белой Оперой, дальше, вплоть до грохочущего вокзала. Справа — стремительно летят вниз и сразу же весело карабкаются на Бастионную Горку... Так и вижу себя школьницей в довоенной Риге: ранец, берет с блестящим значком «К13», обозначающим мою принадлежность к Русской городской 13-й школе что на Грешной улице («там, должно быть, раньше жили воры», — пояснила на мой вопрос бабушка). Уже пройдена по дороге из школы, через Старый Город, мимо средневекового дома купеческой гильдии Черноголовых, Известковая улица с забегом в Армейский универсальный магазин, чтобы прокатиться на единственном в Риге эскалаторе, и теперь, у Оперы, у знаменитых часов с рекламой шоколада «Лайма», излюбленного рижанами места встреч и свиданий, жду трамвая. А там, в самой Опере, репетируют очередной балет мои две тети — обе солистки; одна сестра матери, выступавшая как Вера Лихачева, другая — ее подруга, сестра отца и моя крестная Галина Чернова. Иногда они брали меня к себе за кулисы, в эту кунсткамеру декораций, костюмов, грима и разной бутафории (о, раннее разочарование: как это было всё бедно и потрепано по сравнению с обманным блеском сцены, видимым из зрительного зала!)

Или вот еще один кусочек романа Сабуровой, из которого прямо ступаешь в довоенное детство:

К середине декабря на Эспланаде, на Марсовом поле, позади коричневого византийского собора в голубоватых куполах (в нем венчались мои родители и в нем меня крестили), уже утоптаные дорожки, и по ночам сторожа греются у костра, над оранжевыми искрами топорицатся ушастые шапки. Поперек поля выстроились веселые латки благотворительного базара < > елочные игрушки сверкают, как ювелирная витрина, и свечи, свечи, свечи! Витые, гладкие, белые, цветные... В конце ряда ларек, слышный уже издали особенно вкусным на

морозе запахом сладкого, чуть подгоревшего масла, пекутся вафли и тут же набиваются взбитыми сливками, по десять сантимов штука.

Эти незабываемые, благоухающие ванилью горячие «трубочки со сливками»! И тут же, по ассоциации, вспоминается: меховой воротничок пальто щекочет нос, синие рижские сумерки, бесшумно скользят полозья саней извозчиков, только позванивают сбруи лошадей, тренькает освещенный изнутри трамвай... Кажется, сценки эти скорее относятся к XIX, а не XX веку, но в том-то и дело, что наша Рига была связующим звеном между прошлым и настоящим, между старым миром и новым. Мне удалось захватить оба, а удача Сабуровой в том, что она сумела передать дух благополучной предвоенной Риги и происшедший затем перелом: *Жизнь кончилась. Началась история*, — пишет она о событиях, предвещавших Вторую мировую войну. В газетах, напоминает Сабурова, появились снимки советского и германского генералов, пожимающих друг другу руки — результат пакта, заключенного в 1939 году между Сталиным и Гитлером, по которому была разделена их «сфера влияния» в Польше и Прибалтике, и который дозволил Советскому Союзу «занять в Балтике опорные пункты и морские базы». Вот почему Гитлер сразу же начал проводить репатриацию всех балтийских немцев. Сабурова пишет:

Паника взмыла в Риге в первых днях 1939 года. Хрустальная золотая осень. Но хрусталь разбивается мелкими брызгами в дрожащих руках, а золото вскочило в цене. Банки и ювелиры, по распоряжению правительства, спустили на окнах решетки и закрылись. Магазины штурмовались публикой, как при распродажах. Покупали все: селедки бочками, перец фунтами, туфли десятками пар. Старинные фирмы, существовавшие по несколько сотен лет, закрывали ставни и двери. Немецкие школы превратились в бюро по репатриации. Шла запись. Выдавали номерки, сообщали название парохода и срок отправки, снабжали упаковочным материалом, записывали имущество.

Расстроилась наша семья. Часть ее осталась в Риге, выжидая дальнейшую участь, часть, воспользовавшись немецкими предками, репатрировалась в Германию. Помню горькие проводы на огромный немецкий пароход моего любимого двоюродного брата; непримиримая ненависть к большевикам заставила его родителей решиться на отъезд. «Я вернусь, — серьезно обещал кузен, — когда мне исполнится 18 лет, а тебе — 16, и мы поженимся». Но ведь этого так долго ждать!

Уезжать или не уезжать — вопрос этот

обсуждался на семейных советах и среди друзей, иногда доходя до громогласных споров, ссор и душераздирающих решений одних — уезжать, других — оставаться. Сабурова приводит слова Лаврика в пользу того, чтобы оставаться: «*Видит Бог, я не большевик. Но в конце концов, партия, приходящая к власти, никакую революцию в белых перчатках не делает. А партия, правящая двадцать пять лет, это уже государство. Не одни же чекистские подвалы только. И все-таки, свои, русские, что там не говори...*» Настоящий Лаврик /Маврик к тому времени уже утонул, но примерно так рассуждал его отец; мой дедушка-юрист верил в торжество закона, считал, что советский строй, какой он ни на есть, должен опираться на известную законность. К тому же, он, как и многие, ненавидел Гитлера. Почти все, кто разделял его мнение за решение остаться, поплатились — либо жизнью, либо свободой. Мои родители сделали ставку не на Германию, а на Америку, но в тот самый день, когда маме сообщили, что пришел черед нашей квоты, в Ригу вошли советские танки. О том, что было потом, Сабурова пишет:

Несколько дней подряд газеты выходят ежедневно под другим заголовком — меняются редакции... Иностранных сообщений нет, только короткие, выжатые досуха телеграммы официального агентства — ЛТА, местной хроники нет, объявлений тоже. Но все знают уже, что в доме на углу Бривибас и Столбовой, в министерстве внутренних дел нет больше министерства. Под липами тихой Столбовой военные автомобили и часовые, а на углу, в бывшем цветочном магазине, выдают пропуска в новое учреждение, и оно называется коротко и страшно: НКВД. Но все знают и без газет: президент и командующий армией увезены в неизвестном направлении, и в первые три дня несколько тысяч арестов... Далее Сабурова приводит любопытную деталь, что в одной из крупных типографий спешно печатается на русском и латышском языках сталинская конституция, по которой всем прощается не только происхождение, но даже и борьба в прошлом против коммунизма!

Выпукло и правдиво Сабурова описывает сжавшиеся тиски террора: ночные аресты, бесплотные попытки родных получить доступ к невинно заключенным, исчезновение близких и друзей, слухи — впоследствии подтвердившиеся — о ночных расстрелах. За дедушкой приехали на дачу среди бела дня. Садясь в машину, он меня поцеловал, перекрестил и сказал, что едет в город по делам. С тех пор я его больше не видел.

Людьми прочно овладел страх, его по-

чувствовали даже дети. А потом начался фарс с «просьбой балтийских государств о принятии их в Союз советских республик». Помню разговоры об этом взрослых, а Сабурова описывает подробности «выборов»: сперва было объявлено два списка коммунистов и беспартийных, а за неделю до голосования блок беспартийных ликвидировался, что автоматически сводилось к подаче голосов за коммунистов. Уклониться от выборов нельзя было, так как в паспорте ставился штампель. В полицию стали поступать сотни заявок о «потере» паспортов, но уловка не удалась: «потерявшего» брали на подозрение и накладывали крупный штраф. Выборы, естественно, прошли «единогласно» и вопрос о «добровольном» присоединении был решен. Много лет спустя мне нужно было по работе получить в Вашингтоне советскую визу. Тип с холодными глазами из консульской службы заявил мне, что я сперва должна подать ходатайство о выходе из советского гражданства. Я не выдержала и ехидно возразила: «это всё равно как если бы меня изнасиловали, а потом потребовали, чтобы я подала на развод, да к тому же еще и заплатила за это». Поездка не состоялась.

Аресты шли в течение 1940-41 гг.: но самая развернутая акция террора произошла в ночь с 13-го на 14-е июня; в Риге, Ревеле, Ковно, по всем городам и местечкам Балтики было арестовано около ста тысяч человек. Забирали целыми семьями, вместе с детьми и стариками.

Тут пора обратиться к другой книге — «Баржа на Оби». Ее автор Тамара Никифорова, которая сама в свои неполные тринадцать лет пережила эту страшную эпопею. Она вспоминает:

Как оно пришло — то роковое, четырнадцатое июня 1941 года?

Что было тогда? Ночь или уже светало?

Детский сон глубок и безмятежен, но вот в него вторгается глухой стук: кто-то с силой барабанит в ставни. Ощущение, что больно бьют по голове.

Сквозь уходящий сон чувствую, что мама трясет меня за плечи и слышу ее взволнованный голос: «Скорее, скорее просыпайся... Нас увозят за пределы Латвии... на сборы один час... взять можно только сто килограммов вещей... остальное на станции выбросят...»

Сколько детей в ту ночь разбудили примерно такими же словами, сколько женщин трясушимися руками собирали в наволочки и

тюки то, что попадало под руку, забывая в суматохе самое необходимое. Тамара с благодарностью вспоминает солдата-охранника, стоявшего с винтовкой у входной двери, который тихонько подсказал ее маме: «Хозяйка, берите все теплые вещи, а багаж мужа положите отдельно».

Солдатик знал то, чего еще не знали люди, за которыми пришли: что уже приготовлены на сортировочной станции Шкиротава множество составов из товарных вагонов с решетками на окнах, в которых людей повезут в Сибирь, и знал он, что мужчин отделят от их семей.

14 июня 1941 года мне исполнилось десять лет. Трудно было дождаться этой даты; ведь десять лет — больше не ребенок! Но событие это сразу отошло на задний план: с раннего утра начались тревожные звонки: «У вас все дома? А у нас, знаете, уехали сестра с мужем...» Вышли на улицу: перед некоторыми домами стоят грузовики, помеченные, помню, белыми полосами, а в кузове целыми семьями сидят с растерянным видом люди на своих узлах с пожитками. Забрали в тот день и мою лучшую подружку Тусю Кривошапкину с отцом, матерью и двумя братьями.

Чудовищная эта акция подготавливалась в глубокой тайне, но весть о том, что творится на товарной станции, очень скоро разнеслась по Риге и стали явными ее страшные масштабы. Родственники людей, посаженных под стражу в товарные вагоны, рассказывали, что они сидят без еды и питья, что мужчин отделили, что есть, якобы, вагоны с одними детьми. Оставшиеся пытались высчитать — по какому признаку забирают людей? То ли по национальному, то ли по классовому? Скорее, по классовому, так как увозили и латышей, и русских и евреев... повезло лишь немцам, которые успели уехать в Германию... Но и по классовому признаку трудно было понять, кто именно подлежит увозу: предприниматели, интеллигенция, но не только — увозили и крестьян. Застрахован от депортации не был никто.

Акция эта продолжалась и после 14 июня. Приходили обычно по ночам. Ложась спать, мы не знали, пробудем ли в своей постели до утра. Рядом с моей кроватью был поставлен красный клеенчатый чемодан с зимней одеждой, с сухарями и питьем. Мне было строго наказано чемодан ни при каких условиях не оставлять. Чемоданы были сложены и у родителей. Предосторожность была не излишней; как выяснилось позже, мы тоже были в списках депортируемых, только за нами не успели прийти — 22 июня Гитлер напал на Советский Союз и началась спешная эвакуация советских чинов

и столь же поспешным было отступление Красной армии. Когда немцы вошли в Ригу, их, как освободителей, встречали цветами.

А что тем временем переживала Тамара Трофимова? Две недели шел поезд из Риги до Новосибирска. Еды становилось всё меньше, раз в день выдавали скудный паек «вермишелева» варева, воды в ведрах и черного хлеба в виде липких серых кирпичей, трудно перевариваемых особенно стариками и маленькими детьми. *В вагоне стояла жуткая жара, дышать было нечем, из отхожего места (дыра в полу) шли тяжелые запахи, убрать грязь из вагона было непросто. Вагон мотало во все стороны, страшно трясло, тело покрывалось синяками от ушибов. Постепенно наваливалось какое-то всеобщее чувство оцепенения, равнодушия, люди начали терять чувство реальности, многим становилось безразлично, что с ними стало и что будет в дальнейшем.*

В Новосибирске заключенных погрузили на баржу — целых три эшелона: два из Эстонии, один из Риги. В общей сложности не менее двух тысяч человек. На них приходился один единственный туалет: *Очень быстро у него собралась очередь длиною часа на полтора, многие не выдерживали и пристраивались рядом. О стеснительности стали забывать, люди поневоле превращались в животных.*

Измученных людей всё дальше и дальше везли вниз по Оби. Путь казался нескончаемым. Кормили пустыми щами из прошлогодней квашеной капусты да «ржавым» хлебом. От недоедания у многих стали пухнуть ноги. Рядом с Тамарой умер на руках матери маленький ребенок. Приблизились к Нарыму. Время от времени кого-то выгружали. Баржа постепенно пустела, а Никифоровы плыли всё дальше, в неизвестность, казалось — на край света. Оказывается, доставили в самый центр Васюганских болот. Когда прибыли, наконец, в райцентр Новый Васюган, то и это еще не был конец их пути. Через неделю на открытом катере заключенных довели до поселка Огнев Яр и оттуда заставили идти пешком пять километров до деревни Ершовки. Еще до их прибытия местным жителям было объявлено, что придут новые поселенцы «фашисты», которых нужно будет расселить у себя. Тамаре, ее маме, бабушке и сестренке Ире выделили угол в однокомнатной рубленой избе у вдовой женщины с тремя детьми. Средний, мальчик, оказался воришкой, старший вскоре умер на глазах у всех в страшной муке от туберкулезного менингита. Условия жизни в однокомнатной избе отбросили рижан к средним векам: внутри ни постельного белья, ни одежды, только ношенные ватники, вся посуда — чугунок,

миска, деревянные ложки да пара эмалированных кружек. Воду носили из реки, отхожего места не было, его заменяли ближайшие кусты.

С наступлением осени всё хуже становилось с едой. Промышляли отварными опятами, подкармливались лесными ягодами, собирать которые мешал гнус: комары и мошки. Становилось всё холоднее. Изба была не утепленной, дров не было, из-под пола, на котором спала Тамара, через огромные щели несло лютым холодом. Перебралась спать на топчан, рядом с бабушкой, мамой и сестрой. Острый фурункулез причинял при каждом движении нестерпимую боль. Врач, эстонка из ссыльных, поставила диагноз, но помочь ничем не могла, только дала марганцовку, чтобы промывать гнойные раны от чирьев. Тамара всё больше слабела. Слабела и бабушка. В ночь на одиннадцатое ноября Тамара проснулась от прикосновения к чему-то холодному. Бабушка умерла. Тамара продолжала болеть. Спас ее охотник-старообрядец, который поймал в силки зайца (охотничьих ружей изгоям-единоличникам не полагалось), напоил ее теплой заячьей кровью и заставил съесть сырую печень. В болезни наступил перелом. Зато не прошло и двух недель со смерти бабушки, как умерла от истощения мать. Девочки остались сиротами.

Мало кто из взрослых ссыльных перенес зиму 1941-42 года, дети оказались выносливее. Оставшихся сирот летом отправили в Айполовский детдом. Дальнейшее повествование Никифоровой относится к нелегкой жизни в детдоме и пережитым мытарствам, вплоть до возвращения ее с сестрой в 1946 году в Ригу. Там, на вечерних курсах, ей удалось закончить среднее образование. Позже она поступила в Ленинградский Горный институт, где получила специальность геолога-нефтяника, а работать стала ...за Полярным кругом в Норильске! В Латвию Тамара вернулась в 1991 году и там написала свои воспоминания.

Никифорова не литератор. Можно было бы придраться к некоторым стилистическим погрешностям и к тому, как организован материал, но всё искупается ее искренностью и абсолютной правдивостью. Это — живое свидетельство бессмысленного сталинского изуверства, редкое по трагизму повествование о свалившихся на детские плечи горе и лишениях. Меня же оно тем более потрясло, что еще совсем немного, и нашу семью постигли бы те же страдания. Если бы война на востоке началась неделей позже, мы бы разделили судьбу тысяч других депортированных, в том числе и судьбу моей подруги Туси, которая, как я позже слы-

шала, похоронила в Сибири, мать, отца и брата, а вернувшись после войны в Ригу, вынуждена была поступить в тот же класс основной школы, из которого ее забрали.

Кроме того, оказалось, что у меня с Никифоровой есть и нечто общее. Первая часть книги посвящена описанию ее семьи и детства. Выяснилось, что училась она в той же 13-й школе на Грешной улице, что идя в школу, проходила мимо того же Дома Черноголовых с их «милым» рыцарем у входа. Наверное, я видела ее не раз на перемене, но три года в этом возрасте дистанция огромная. Всматриваясь в школьную фотографию ее пятого класса, Тамару не узнаю, зато разглядела учительницу, которая была моей классной наставницей в подготовительном классе, а в ряду мальчиков — по родственному сходству с моим сыном, узнаю своего старшего двоюродного брата! Попались мне в книге и другие знакомые имена и места. Более того, оказалось, что жили Никифоровы в моем любимом рижском предместье Приедайне (Сосновое), где я провела последний год перед отъездом из Латвии. Там вдова известного в Риге доктора Фейнмана (урожденная графиня Бутурлина), у которой я часто бывала и зачитывалась взрослыми книгами из ее богатой библиотеки в башенке дома, как-то показала мне и моей подруге фотографию ее внучатого племянника, черноглазого подростка. «Жаль, что он в Англии, — сказала она, — а то был бы вам, девочки, жених». Мы посмеивались: «один на двоих!». Имя его мне не запомнилось, но через десять лет, выйдя замуж в 1954 году в Мюнхене за Валериана Оболенского, узнала, что он и был тем самым «женихом» и что еще до войны сам со своей бабушкой гостил в том доме в Приедайне.

А теперь снова обратимся к «Кораблям Старого Города» Сабуровой. Новая глава на 373-й странице открывается радостным возгласом: «Война, слава Богу, война!» 22 июня. Немецкие войска наступают. В продовольственных магазинах давка и пересуды об услышанном. Страх за тех, кто в тюрьмах, опасаются, что их поспешно расстреляют. Возможны новые аресты, а по пути следования эшелонов с арестованными, говорят, лежат трупы. Первые воздушные тревоги, слухи и признаки поспешной эвакуации семей советских военных... Сабурова верно передает атмосферу первых военных дней — смесь страха и надежды на избавление.

Папу, работавшего инженером на заводе, рабочие предупредили, что его ищут, хотят арестовать. Он скрылся. (Позже, когда открыли архивы НКВД, выяснилось, что он подделал расстрелу.) Мама и я уехали на дачу. От-

туда увидели, как во время воздушного налета вдруг изменился контур Риги: рухнула башня Петерскирхе, пожар от нее распространился на ближайшие кварталы. Сгорел и Дом Черноголовых с его стрельчатыми окнами и мавром в латах, сторожившим у входа дом этой ганзейской гильдии купцов. Распространился пожар и на Национальную библиотеку. Позже, идя в школу, приходилось ступать на полусгоревшие и мокнущие в дождевых лужах старинные тома книг.

Что происходило при приближении немецких войск на станции Рига-Товарная, Сабурова описывает с точностью журналиста:

Вагоны были пригнаны откуда-то со взморья и набиты детьми из школьных лагерей. Двери были плотно заперты болтами, и вагоны брошены на запасном пути. На остальных лихорадочно грузились эшелоны с войсками, советскими служащими, беженцами-евреями и местными коммунистами. Беженцы сидели всю ночь на узлах, составы толкались во все стороны, паровозов не хватало, чекисты сгоняли железнодорожников револьверами на работу. Запертые вагоны открыли только третьего июля — на третий день прихода немцев. Из них шел подозрительный запах. Из живых не осталось ни одного ребенка — пять, шесть суток под солнцем, без капли воды...

Война, как известно, застала Сталина врасплох. Немцы занимали Латвию без всякого сопротивления, по пятам спешно отступавшей Красной армии. В Ригу вошли уже через неделю после начала наступления. Сабурова описывает как в разных местах стали обнаруживать трупы расстрелянных чекистами. В нескольких дачах от той, что снимали мои родители вблизи Риги на Белом озере, была дача одного состоятельного человека. Он был арестован в Риге, а дача взята под нужды НКВД и обнесена высоким бревенчатым забором. Почему-то по ночам чекисты заводили моторы машин, мешали нам спать. Когда пришли немцы, дачу открыли. В саду была обнаружена яма с несколькими десятками трупов, в том числе и самого владельца дачи. Раскапывать их немцы пригнали евреев — жуткое предзнаменование грядущей над ними расправы.

Поначалу в числе тех, кто принял приход немцев как избавление от советского террора, были и многие евреи, которые могли убежать в Советский Союз, но остались в Латвии, полагая, что немцы не могут быть хуже большевиков. Конечно, до всех доходили слухи о притеснении евреев в Германии и Польше, но ведь Германия

цивилизированная страна! Ну, отнимут на время имущество, ограничат в правах, а там обойдется... Ох уж мне эти Шиллер и Гете — сколько раз приходилось слышать их имена как доказательство, что ничего поистине страшного с евреями произойти не может! Иллюзия эта быстро развалилась. Вначале был издан приказ, чтобы евреи носили на груди желтую шестиконечную звезду и ходили только по мостовой. Вот сценка из книги Сабуровой, свидетельницей которой становится ее героиня Джан:

Маленькая, лет четырех девочка с черными кудряшками устало плетется по крупному булыжнику ската за матерью и, улучив момент, взбирается на гладкий тротуар. Мать тревожно озирается, у нее не хватает духу одернуть малютку. В эту минуту Джан обгоняет молодой немец в форме — Какая наглость! — громко говорит он и высоким сапогом сбивает девочку на мостовую.

Потом евреев выселили из их квартир, перевели в гетто в Московском форштадте, стали гонять на принудительные работы. Мать моя, рискуя собственной свободой, пыталась заступиться за семью наших близких друзей, но попытка была тщетной. Их тоже отправили в гетто, а к нам, через весь город, прибежала их черная собачка Бенка. 30 ноября 1941 года наступил день массового истребления. Это — самые яркие и самые страшные страницы романа Сабуровой.

Улицы Московского форштадта, прилегающие к гетто, разбужены на рассвете воплем. Гетто поднято на ноги и кипит адским зельем. Женщины с детьми выгоняются из домов. Дети кричат спросонок, им холодно и страшно. Куда? Зачем? Вещи хватаются дрожащими руками, падают. Никаких вещей. Гестаповские отряды топчут по лестницам, в домах, выгоняют из чердаков и погребов запрятавшихся, из уборных, из больницы. Калек пристреливаются тут же, вещи летят из окон, срываются кольца, серьги, грабеж в разгаре, мимоходом насилуют... Полуодетые мужчины напирают на проволоку, протягивают руки, кричат, умоляют прорываются... назад!

Этому были свидетели люди на «арийской» половине улицы. Это с их слов Сабурова описывает жуткое шествие женщин с детскими колясками, с узлами, которые падают из рук... Их гонят всё дальше. Около фабрики «Квадрат» русские пленные роют широко раскинувшуюся неглубокую яму. Пьяные пулеметчики открывают огонь. Детей приканчивают штыками. «Ты

видел, Старый Город?» — взывает автор.

Слышали мы, что двое маленьких сыновей наших друзей, Сережа, с которым я часто играла, и его трехлетний братик Юрочка были убиты в то утро на глазах их обезумевшей матери.

В тот год учебный год начался поздно. Когда я вошла в свой класс, он оказался сильно опустевшим. Недосчитались мы учеников, отправленных в Сибирь; а дети из еврейских семей, если не были посланы в Сибирь или не бежали с родителями на восток, то были уничтожены немцами.

Были мы свидетелями и зверского обращения немцев с советскими пленными. Хроникер-Сабурова пишет:

Проходили по улицам колонны — длинные, серые, с черными людьми. Пленные. Шинели волочились, окровавленные повязки почернели, и пыль долгих километров, пыль побежденных запекалась коркой на лицах. Пустые сумасшедшие глаза в глубоких провалах, скрюченные рты. Колонны шли иногда часами. Медленно, тупо, с немногими сторожевыми по бокам. Кто-то падал, его подхватывали, тащили несколько шагов, выпускали из рук. Иногда он поднимался, чаще оставался лежать, потом подбирали трупы...<...> Иногда прохожие протягивали хлеб. Его сразу рвали на части, поднималась свалка, опять приклады, грозные крики, выстрелы. Советскую армию не брали в плен, она сдавалась сама. Гитлер освобождал от большевиков! Немцы — избавители! Пленных гнали в лагерь, наспех затаянные проволокой. По дороге вслед за ними тянулась выеденная трава и оборванные листья на деревьях. В казармы одного латышского полка на Гризенкалне, где в мирное время размещалось полторы тысячи человек, согнали сорок тысяч. Голод, дизентерия, тиф.

Поразительно, что немцы даже не прятали своего зверского обращения с пленными. Помню, как гнали такую колонну доходяг по главной улице. На глазах прохожих конвоир прикладом бил падающих и отстающих. Бабушка уткнула мою голову себе в пальто, чтоб я не видела конца расправы.

Да, книга Сабуровой сильна точностью описаний реальных событий, настроения людей, их отношения сперва к советской оккупации, потом к немецкой. Станным образом, нет в ней упоминания об одном событии 1943 года, сильно взволновавшим Ригу, и не только русских. Каким-то образом проникло в город известие о том, что неподалеку, в концентрационном лагере Саласпилс, погибают от голода и болезней дети, вывезенные немцами из Белоруссии,

из той полосы, которую они «зачищали» от партизан: деревни жгли, вместе со стариками, а женщин и детей угоняли в Латвию. Потом из Саласпилса женщин отправили дальше, якобы на работы в Германию. На самом деле, как позже выяснилось, если не все, то многие попали в лагерь смерти Треблинка и там погибли. Травмированные и голодающие дети были оставлены в Саласпилсе на умирание. При участии митрополита Сергия и Русского комитета удалось получить от немецких властей разрешение раздать детей по частным семьям, при условии, что это будет проведено без особой огласки. Тем не менее, весть о том, что такого-то числа в рижский православный женский монастырь станут привозить погибающих детей, мгновенно облетела город. Детей брали и русские, и латыши, и молодые семейные пары, и люди преклонного возраста. Сколько было доставлено детей в точности не известно, слышала я — две тысячи. Возможно, это число включало и тех, кто умер в лагере. Но, даже попав в сравнительно благополучные семейные условия, не все смогли выжить. Для некоторых помощь пришла слишком поздно. Моя мать, которая приняла энергичное участие в акции спасения и раздачи детей, привезла домой шестилетнюю девочку. Узнав поз-

же о гибели ее матери, мои родители девочку удочерили, она стала моей сестрой.

Роман Сабуровой заканчивается приближением советских войск и отступлением немцев. Снова обсуждается мучительный вопрос — бежать или оставаться? Немцы не препятствуют выезду, но кому хочется в Германию? Остаться? Но ведь это самоубийство, ведь уже хлебнули советской власти! Но может быть, Сталин изменил политику — открыл же он церкви, ввел погоны и войну назвал «Отечественной»? Более трезвые умы рассуждали, что ничего по существу не изменилось; кончится война, советские войска освободят Прибалтику от нацистов, не уйдут оттуда, снова воцарится тот же коммунистический режим, возобновятся репрессии... И оказались правы.

Преодолевая глубокую неприязнь к нацистам, героиня романа Сабуровой уезжает с семьей в Германию. Погрузилась на транспортное немецкое судно и наша семья. Большинство людей из Риги эвакуировалось морем. Быть может, это и были те самые «Корабли Старого Города», которые стали символом ее произведения? Только наш корабль уходил по минированному морю не за «Счастьем», а за спасением.